

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 34.096

EDN: GTYJAZ

doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-3

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ГРАЖДАНИНА

Зухра Ильдаровна Гадыльшина¹, Тимур Геннадиевич Какохо²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Татарстанское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Казань, Россия

¹Zyhra.Gadylyshina@ksu.ru

²timur892@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Цифровые технологии, проникая во все сферы общественной и личной жизни, приводят к трансформации многих правовых институтов. Вход в киберпространство предопределен использованием специальных аутентификаторов (логин, ник, аватар, цифровой код и др.), при этом цифровой аутентификатор может не совпадать с данными личности, зафиксированными в документе, удостоверяющем личность гражданина. Наличие системных пробелов в правовом регулировании цифровых удостоверений обуславливает актуальность научных исследований. Основная цель – анализ правового режима цифрового удостоверения гражданина. Цель предопределила решение следующих задач: систематизировать элементы цифровизации, предусмотренные национальным проектом «Цифровая экономика»; выделить правовые особенности цифровой идентификации личности; рассмотреть основные проблемы, возникающие в силу различия цифровой идентификации и регистрации акта гражданского состояния. *Материалы и методы.* Эмпирическую базу исследования составили программные документы, определяющие стратегию цифрового развития Российской Федерации. Особое внимание уделено Указу Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». *Результаты.* Указывается, что ключевыми элементами концепции предоставления государственных и муниципальных услуг в новых условиях выступают цифровой профиль и минимизация физических документов (внедрение единственного удостоверения личности гражданина в электронной форме). *Выводы.* Необходимо проводить различия между электронной подписью документов и электронным документом, удостоверяющим личность. Если первый элемент имеет свое юридическое закрепление, то в отношении второго представлено официальное заявление Минцифры России о заморозке проекта в связи с санкционным давлением.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая аутентификация, цифровое удостоверение, личность, регистрация, электронная цифровая подпись

Для цитирования: Гадыльшина З. И., Какохо Т. Г. Правовые основы цифрового удостоверения гражданина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 3. С. 25–34. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-3 EDN: GTYJAZ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

LEGAL BASIS FOR A DIGITAL CITIZEN ID

Zukhra I. Gadylshina¹, Timur G. Kakokho²

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

²Tatarstan Regional Branch of the All-Russian Public Organization

“Association of Lawyers of Russia”, Kazan, Russia

¹Zyhra.Gadylshina@ksu.ru

²timur892@gmail.com

Abstract. *Background.* Digital technologies penetrating into all spheres of public and personal life lead to the transformation of many legal institutions. Login to cyberspace is predetermined by using special authenticators (login, nickname, avatar, digital code, etc.). In this case, the digital authenticator may not coincide with the personal data recorded in the identity document of the citizen. The presence of systemic gaps in legal regulation of digital IDs determines the relevance of research. The main goal is to analyze the legal regime of a digital citizen ID. The goal implies solving the following tasks: systematizing the elements of digitalization provided for by the national project “Digital Economy”; highlighting the legal features of digital personal identification; considering the main problems arising due to the difference between digital identification and civil registration. *Materials and methods.* The empirical basis of research is made up by policy documents that define the digital development strategy of the Russian Federation. Particular attention is paid to Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation through 2030 and for the future until 2036”. *Results.* The article indicates that the key elements of the concept of providing state and municipal services in the new context are the digital profile and the minimization of physical documents (introduction of a single citizen ID in digital form). *Conclusions.* Distinction should be made between an electronic signature of documents and an electronic identity document. If the first element has its legal basis, then in relation to the second element, the Ministry of Digital Development of the Russian Federation issued an official statement on freezing the project due to the sanctions pressure.

Keywords: digitalization, digital authentication, digital ID, identity, registration, electronic digital signature

For citation: Gadylshina Z.I., Kakokho T.G. Legal basis for a digital citizen ID. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(3):25–34. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-3

Цифровизация стала трендом мирового развития. Цифровые технологии, проникая во все сферы общественной жизни, не могли не затронуть и вопросы организации и деятельности органов государственной власти. Распространение инноваций и их внедрение в реальную практику достигло таких результатов, что меняются принципы коммуникаций. Одновременно происходит постоянный поиск путей повышения эффективности государства, а реагирование на меняющуюся действительность приводит к обновлению многих концепций, теорий публичного управления (в самом широком смысле этого слова) [1, с. 119].

Вопросы цифровизации неоднократно рассматривались в различных программных документах. Цифровая экономика определялась как национальный проект, в состав которого входили различные программы, ориентированные на развитие таких направлений, как цифровое

государственное управление, искусственный интеллект, кадры для цифровой экономики и др. [2]. Приоритетное отношение к вопросам цифровизации нашло отражение и в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Более того, содержательная сторона расширена за счет включения таких элементов, как цифровая безопасность, цифровая зрелость, сетевой суверенитет и др.

Конец XX в. ознаменовался завершением формирования идеи сервисного государства, которая активно внедряется в Российской Федерации с началом административной реформы (ее старт был дан Указами Президента РФ в 2003 г.). Органы публичной власти были нацелены на решение общих для всех граждан проблем и предоставление услуг, что можно рассматривать как кардинальный перелом для Российской Федерации в вопросах взаимодействия государства, общества, личности. Одновременно это стало проявлением значимого посыла, заложенного в Основах конституционного строя (ст. 2 Конституции РФ), что именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Продолжением реформы стало принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Этому предшествовало закрепление в Указе Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» специальной функции по оказанию государственных услуг [3, с. 10]. Последующая настройка всего механизма (создание многофункциональных центров, компьютеризация органов власти, продвижение административных регламентов и многое другое) выстраивалась вокруг базового посыла: государство – сервис по предоставлению публичных услуг [4, с. 104]. Необходимо также отметить, что в настоящее время концепт сервисного государства утратил некоторые идеологические аспекты, которые ранее приписывались ему. Это было связано с тем, что сервисный подход ассоциировался с теорией либертарианства. Сейчас основной акцент направлен на оказание публичных услуг и создание комфортных отношений государства и личности [5, с. 113].

Цифровая революция внесла свои коррективы и в этот процесс. Ни одно государство не может оставаться в стороне, поскольку прогресс и инновации диктуют свои условия. Эта тенденция отмечается практически во всех странах мира. Российская Федерация не является исключением. Попыткой преломления такой ситуации стала концепция «сервисное государство 2.0», направленная на изменение основ государственного устройства (без изменений политической основы), которое и так происходит в силу объективных причин.

«Государство 2.0» реализуется на принципах, которые коррелируют с концептом сервисного государства, а именно: партисипативность, переход от статического понимания электронного правительства к активным технологиям, проактивность государственных информационных ресурсов, открытость, обусловленность цифровой трансформацией, прямая связь с развитием цифровой экономики, зависимость от технологического уклада. Это обуславливает необходимость принятия различных федеральных законов. Так, уже высказывалась идея о разработке и принятии Федерального закона «Об электронном правительстве». Сам термин «электронное правительство» активно используется в различных российских нормативных актах. В то же время внесение соответствующего проекта до сих пор откладывается, и его принятие в ближайшем будущем не планируется [6, с. 7].

Концепт «сервисное государство 2.0» нельзя рассматривать в отрыве от новых управленческих подходов в организации публичной власти. Юридическая наука стремительно развивается, представляя различные учения, которые имеют прямое пересечение с «сервисным государством 2.0». Приведем только базовые (многие из них получили свое международное подтверждение, в том числе в программных документах ООН):

- упомянутые выше «электронное правительство» и «государство 2.0»;
- открытое правительство;
- умный город;
- Э-демократия;
- Государство как платформа и Государство – архитектор выбора;
- хорошее управление [7, 8].

Даже этот перечень указывает на то, что государство активно ищет свое место в меняющемся под влиянием цифровых технологий мире. Ситуация обостряется тем, что конкуренция между организациями частного права стала сопровождаться конкуренцией государств (так называемая конкуренция юрисдикций), когда основные технологические гиганты могут выбирать национальный режим, который в большей мере соответствует их основному роду деятельности. Данный фактор оказывает значительное воздействие на все аспекты организации власти, заставляя государства меняться, чтобы предложить «лучшую» юрисдикцию корпорациям, которые способны обеспечить экономическое благосостояние, его рост и развитие. В то же время именно в этом сегменте активизировались различные угрозы, имеющие весьма специфический характер, благодаря чему они получили название – гибридные угрозы. Их суть заключается в том, что при общей положительной направленности они способны наносить косвенный ущерб, который может в значительной степени превалировать над позитивными результатами [9, с. 19]. Борьба юрисдикций может представлять собой пример гибридной войны: вовлечение в свое национальное правовое поле транснациональных корпораций (например, гигантов интернет-индустрии) может привести к экономическому упадку других стран, становящихся лишь потребителями цифровых услуг (иными словами, пассивными участниками всех преобразований) [10].

«Сервисное государство 2.0» получает свое развитие по шести ключевым направлениям:

- суперсервисы;
- цифровой профиль;
- единый фронт;
- единый транспорт;
- единая модель данных;
- единая платформа услуг и сервисов.

Однако все эти направления нельзя рассматривать как независимые, вне анализа общих условий, без формирования которых невозможно будет достигнуть позитивного результата. В частности, любая цифровая трансформация в организации публичной власти не может считаться завершённой вне внедрения электронных документов гражданина, позволяющих ему в упрощённой форме пройти идентификацию в онлайн-режиме как для взаимодействия с органами власти и управления, так и для получения различных услуг (что снижает уровень онлайн-преступлений и ускоряет становление цифровой экономики). Многие страны апробировали различные модели электронного документа – ID Card (как правило, это пластиковый документ с встроенным чипом, где хранятся электронные ключи, с помощью которых владелец может подписывать цифровые документы на основе криптографии с открытым ключом). Законом устанавливается эквивалентность криптографической и собственноручной подписей. В ряде стран переход на электронные удостоверения личности сопровождается отказом от традиционных документов.

Есть и упрощённые формы Mobil-ID (предоставляются операторами мобильной связи) и Web eID (предоставляются провайдерами интернет-связи).

Электронная идентификация является условием входа в онлайн-пространство. Предъявление «бумажного» документа невозможно в силу технологических особенностей. Это означает, что цифровой аутентификатор может совпадать с теми данными, которые заявлены в официальных документах, но может и отличаться. К тому же такие аутентификаторы, как ник, логин, цифровой код, по своим техническим параметрам не тождественны документу, удостоверяющему личность. Сложности возникают еще и в силу того, что право на имя выступает гражданским личным неимущественным правом, предусмотренным ч. 1 ст. 19 Гражданского кодекса РФ: «Гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая»¹. Право на имя закрепляется ст. 58 Семейного

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/df6b898b8d62608dbdb357f3108f49a90b9e3a69 (дата обращения: 01.06.2024).

кодекса РФ. Оно не распространяется на цифровые аутентификаторы, хотя благодаря им происходит индивидуализация личности в кибермире.

В индивидуализации личности участвует также государство, которое регистрирует соответствующие акты гражданского состояния. Рождение ребенка (появление нового субъекта правоотношений) фиксируется в правовом поле в соответствии с Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Регистрация актов гражданского состояния – монополия государства, присвоение цифровых аутентификаторов носит децентрализованный характер, практически не контролируется государством.

Трансформация идентификации личности стала нарастать в силу стремительного развития цифровых технологий. Первичный этап связан с появлением электронных документов – ID Card. Различные модели проходят свою апробацию в странах Европейского союза. В частности, в Эстонии – это ID-kaart, представляющий собой пластиковый документ с встроенным чипом. Помимо юридического закрепления эквивалентности цифровой и собственноручной подписей устанавливаются жесткие гарантии кибербезопасности, обеспечивающие защиту ID-kaart от постороннего вмешательства¹. Оригинальность документа заключается еще и в том, что он может наполняться различными персональными данными, что может значительно расширить его функциональные возможности. Помимо ID-kaart в Эстонии предусматривается использование Mobiil-ID, оформление которого происходит операторами мобильной связи, что дает возможность скреплять документы цифровой подписью с помощью специального мобильного приложения. Это позволяет участвовать в гражданском обороте через смартфон, возможности ID-kaart ограничены входом через стационарный компьютер.

Необходимо учитывать, что на территории Евросоюза происходит унификация электронных документов, признаваемых на территории Сообщества. Это связано также с созданием защитных механизмов от подделки и мошенничества. Был принят Регламент (ЕС) Европейского Парламента и Совета от 20 июня 2019 г. № 2019/1157 «Об усилении защиты удостоверений личности граждан Союза и документов о проживании, выдаваемых гражданам Союза и членам их семей, осуществляющим право на свободное передвижение»². Регламент предполагает поэтапный полный отказ от всех видов классических удостоверений личности. Переход на электронные документы планируется завершить к концу 2026 г.

Одновременно с официальными электронными документами в ряде стран присутствует практика выдачи аналогичных документов коммерческими организациями (банковские, страховые организации, операторы телекоммуникационных услуг и др.), которые в силу их распространения признаются государством для осуществления взаимодействия с органами публичной власти. В качестве примера приводится опыт Швеции, где действует такой электронный документ, как BankID, первоначально внедренный консорциумом негосударственных банков для улучшения обмена информацией при оказании банковских услуг³. Поскольку BankID применяется практически всеми гражданами Швеции, он стал основным инструментом взаимодействия с органами публичной власти. Опыт был воспринят, сейчас в Швеции используется еще и Telia electronic ID, предоставляемый телефонной компанией Telia. Причем этот цифровой идентификатор можно получить и через Налоговую службу⁴.

BankID – успешный эксперимент, к которому присматриваются во многих странах мира, поскольку он позволяет создать параллельную систему цифровой идентификации. Государство получает готовый цифровой продукт, который оно уже использует не как его оператор,

---

¹ Isikut tõendavate dokumentide seadus // Riigi Teataja : website. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/742623> (дата обращения: 01.06.2024).

² Regulation (EU) 2019/1157 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on strengthening the security of identity cards of Union citizens and of residence documents issued to Union citizens and their family members exercising their right of free movement // EUR-Lex : website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1157/oj> (дата обращения: 01.06.2024).

³ BankID and Swedish e-ID // BankID : website. URL: <https://www.bankid.com/en/juridik-och-regelverk> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Logga in med mobilt BankID på Mitt Telia // Telia : website. URL: <https://www.telia.se/privat/support/info/logga-in-med-bankid-och-eleg-pa-mitt-telia> (дата обращения: 01.06.2024).

а как его потребитель. В этом случае государство, хотя и обладает возможностями регулятора, в рамках операционной системы становится зависимым от операторов связи, консорциума банковских организаций, владельцев сетей, иных субъектов, которые являются основными модераторами цифрового идентификатора [11]. Есть и еще одна зависимость – от технологических корпораций, которые создают криптографические решения цифровой идентификации. При введении юридических правил в любом случае будет устанавливаться возможность их технологического разрешения, которое реализуется (если посмотреть на глобальный рынок) весьма незначительным числом корпораций. Государство не может действовать самостоятельно (как это происходило при введении стандартных удостоверений личности) [12].

Банковские организации пытаются играть активную роль в данном процессе. Исходя из этого, происходит расширение комплекса услуг, которые может предоставлять банк. Если ранее считалось, что его основная функция – осуществление кредитно-денежных операций, то сейчас используется концепт «банк как универмаг». В этом векторе активно действует российский Сбербанк. Его давно уже обвиняют в продвижении «непрофильных активов», но именно такой подход позволяет охватить наибольшее число потребителей, тем самым вовлекая их в свое (контролируемое) цифровое пространство. Вполне логичны такие продукты Сбербанка России, как СберМаркет – доставка продуктов на дом; маркетплейс СберМегамаркет; Сбер Аптека – доставка лекарственных препаратов; 2ГИС – картография и др. Кроме того, тенденция имеет свои последствия: с 2017 г. именно на базе отделений Сбербанка в некоторых населенных пунктах открыты специализированные представительства «СберМФЦ».

Внедрение электронных паспортов предлагалось еще в 2008 г. Тогда реформа активно поддерживалась Центральным банком России. Предполагалось, что цифровое удостоверение будет совмещено с пластиковой банковской картой. Согласование происходило как на межведомственном уровне, так и на различных совещаниях в субъектах Российской Федерации. В средствах массовой информации озвучивалось объявление Министерства внутренних дел РФ о запуске эксперимента, но конкретная дата так и не была определена. 16 июня 2022 г., во время проведения Петербургского международного экономического форума, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ официально сделало заявление о заморозке проекта выдачи гражданам России электронных паспортов на неопределенный срок¹. Данная позиция объяснялась санкционным давлением, выразившимся в ограничении допуска к определенным цифровым технологиям.

Электронный документ, удостоверяющий личность, следует отличать от электронной подписи, правовой режим которой в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Электронная подпись (ЭЦП) позволяет определять лицо, подписывающее официальную информацию. Она активно используется в коммерческом обороте, а также при предоставлении государственных и муниципальных услуг, в процессе взаимодействия с органами публичной власти. Например, ЭЦП активно применяется при электронных торгах [13, 14], при сдаче налоговых документов [15], в нотариальном производстве [16]. Однако электронная подпись присоединена к электронному документу, является его составной частью [17]. Сейчас развитие цифровых технологий позволяет строить отношения вне документооборота, но при этом возникает проблема аутентификации стороны. Это связано не только с защитой граждан от различных преступных посягательств (где кибермошенничество – лишь один из негативных сценариев), но и с получением доступа к возможным онлайн-сервисам. В таких отношениях электронный документ с ЭЦП не требуется. Более того, подключение к сервисам невозможно технически, если его обусловить вовлечением в процесс аутентификации ЭЦП. Это обстоятельство актуализирует востребованность электронных документов. К тому же появляются виды таких

¹ Минцифры подтвердило заморозку проекта цифровых паспортов // РИА : сайт. URL: <https://ria.ru/20220617/pasport-1795960800.html> (дата обращения: 01.06.2024).

документов, в частности адаптированные к мобильным устройствам и различным гаджетам. Электронный документ является условием появления полноценного цифрового профиля.

Выдачу (в любой точке мира) цифровых удостоверений личности осуществляет компания «Bitnation»¹, предоставляющая широкий спектр услуг блокчейн. Идеология компании строится на внедрении крайнего либерализма в систему межличностного взаимодействия, в которой государству (как форме социального общежития) отведена минимальная роль. Цифровые удостоверения личности не имеют юридической связи с каким-либо государством. Создатель и идейный вдохновитель «Bitnation» Сюзанна Тарковски Темпельхоф считает, что цифровизация изменит все общественные устои. Государство в классическом понимании прекратит свое существование, а общественные отношения будут регулироваться различными автономными образованиями (по принципу сетевого управления).

Следует отметить, что выдача цифровых удостоверений получила распространение во время миграционного кризиса в Европе в 2015 г. Значительная часть мигрантов прибывала без каких-либо документов (зачастую их уничтожение являлось условием переправки в Европу), что усложняло не только процесс их идентификации, но и элементарные вопросы оказания первичной помощи. Появление же цифрового идентификатора, генерирующего QR-код, который мог размещаться в мобильном телефоне, позволяло получить дебетовую карту Visa. К тому же в блокчейн можно было распространить информацию о членах своей семьи, что упрощало их поиск на просторах Европейского континента. Поскольку на дебетовую карту средства переводились в криптовалюте, полученную помощь можно было тратить как в обычной системе платежей, так и с использованием блокчейн-технологии². В то же время вовлечение в процесс принятия управленческих решений таких технологий, созданных негосударственной организацией и при этом прямо пропагандирующих отказ от централизованной власти, может иметь далеко идущие негативные последствия для органов государства. Конечная цель «Bitnation» (согласно программным заявлениям) состоит в том, чтобы необязательные виртуальные сети заменили традиционную модель национального государства, демонтировав границы, создав новый мир³. Первые цифровые нации в виртуальном мире уже созданы⁴.

Таким образом, ключевыми элементами концепции предоставления государственных и муниципальных услуг в новых условиях выступают цифровой профиль и минимизация физических документов (внедрение единственного удостоверения личности гражданина в электронной форме). Страны с развитой цифровой экономикой апробировали различные модели электронного документа – ID Card. Анализ зарубежного опыта показал, что законом устанавливается эквивалентность криптографической и собственноручной подписей. Электронный документ имеет срок действия (как правило, пять лет). Закрепляется полный отказ от иных документов, удостоверяющих личность. Предусматриваются также Mobil-ID (предоставляются операторами мобильной связи) и система цифровой идентификации – Web eID (закрепляется возможность подключения в сеть со стационарного персонального компьютера). Все указанные документы могут использоваться при подключении к определенным онлайн-сервисам, требующим подтверждения личности, а также для получения услуг от органов государства и иного взаимодействия с органами власти.

Необходимо проводить различия между электронной подписью документов и электронным документом, удостоверяющим личность. Если первый элемент имеет свое юридическое закрепление, то в отношении второго представлено официальное заявление Минцифры России о заморозке проекта в связи с санкционным давлением. Это заметным образом

¹ Bitnation // Bitnation : website. URL: <https://tse.bitnation.co/> (дата обращения: 01.06.2024).

² Allison I. Decentralised government project Bitnation offers refugees blockchain IDs and bitcoin debit cards // International Business Times : website. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/decentralised-government-project-bitnation-offers-refugees-blockchain-ids-bitcoin-debit-cards-1526547> (дата обращения: 01.06.2024).

³ BITNATION-Constitution // Bit-Nation : website. URL: <https://github.com/Bit-Nation/BITNATION-Constitution> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Souli S. I Became a Citizen of Bitnation, a Blockchain-Powered Virtual Nation. Now What? // VICE : website. URL: <https://www.vice.com/en/article/xyg5x7/bitnation-or-bust> (дата обращения: 01.06.2024).

будет способствовать отставанию российской экономики (и многих иных аспектов общественной жизни) от общего вектора мирового развития.

Применение технологии блокчейн в качестве эксперимента в период европейского миграционного кризиса в 2015 г. показало возможность оперативного использования распределенных реестров для идентификации значительного числа граждан при массовой утрате документов, удостоверяющих личность [18, 19]. Объединение личной информации, актов регистрации гражданского состояния и доступа к банковским услугам упростило оказание государственной помощи в условиях развития экстраординарной ситуации. Таким образом, подобный опыт использования технологии блокчейн может быть воспринят российской правовой системой [20], тем более что именно эта инновация стала активно применяться при формировании различных государственных реестров. Особый функционал блокчейн позволяет эффективно устанавливать системы кибербезопасности, а значит, предотвращает возможные утечки персональных данных, несанкционированные вмешательства, мошеннические действия.

Список литературы

1. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113–126. doi: [10.12737/jrl.2020.136](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.136) EDN: [HJESYR](https://www.edn.ru/entry/11111111)
2. Экономическое право : учебник / Н. С. Бондарь, Р. В. Амелин, Д. И. Артемова, Д. С. Велиева [и др.] ; под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021. 352 с. doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352) EDN: [IYMONQ](https://www.edn.ru/entry/11111111)
3. Киселева Н. В. Социальные услуги и государственные (муниципальные) услуги в социальной сфере: законодательное определение и соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 8–12. doi: [10.18572/1813-1247-2023-2-8-12](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-2-8-12) EDN: [HNHJGM](https://www.edn.ru/entry/11111111)
4. Терещенко Л. К. Государственные и муниципальные услуги: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 101–110. EDN: [VKJAUO](https://www.edn.ru/entry/11111111)
5. Терещенко Л. К. Реестровая модель оказания государственных и муниципальных услуг // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 7. С. 110–120. doi: [10.12737/jrl.2021.090](https://doi.org/10.12737/jrl.2021.090) EDN: [WZHDXU](https://www.edn.ru/entry/11111111)
6. Романовская О. В. Публично-правовые аспекты теории сервисного государства // Гражданин и право. 2018. № 10. С. 3–14. EDN: [YOCRJJ](https://www.edn.ru/entry/11111111)
7. Kumari T. R. Human Rights and Good Governance // International Research Journal of Management Science & Technology. 2017. Vol. 8, № 1. P. 301–308. doi: [10.32804/IRJMST](https://doi.org/10.32804/IRJMST)
8. Кравец И. А. «Господство права» и «благое управление» как конституционные ценности в публичной сфере и государственном управлении // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 38–58. doi: [10.12737/jrl.2019.12.4](https://doi.org/10.12737/jrl.2019.12.4) EDN: [ZCNMKW](https://www.edn.ru/entry/11111111)
9. Права человека и безопасность в современном мире: гибридные угрозы и новые вызовы / Аверьянова Н. Н., Велиева Д. С., Капитонова Е. А. [и др.]. М. : Проспект, 2021. 152 с. EDN: [QPDDNB](https://www.edn.ru/entry/11111111)
10. Права человека и гибридные войны : монография / А. В. Басова, Д. С. Велиева, Е.А. Капитонова [и др.]. М. : Проспект, 2023. 184 с. EDN: [OYPXAR](https://www.edn.ru/entry/11111111)
11. Husz O. Bank Identity: Banks, ID Cards, and the Emergence of a Financial Identification Society in Sweden // Enterprise & Society. 2018. Vol. 19, № 2. P. 1–39. doi: [10.1017/eso.2017.43](https://doi.org/10.1017/eso.2017.43)
12. Lyon D. Surveillance society: Monitoring everyday life. Buckingham [England] ; Philadelphia : Open University Press, 2002. 189 p.
13. Федорова Ю. А., Вдовиченко П. В. Совершение сделки с помощью электронных и иных технических средств // Цивилист. 2022. № 2 (38). С. 32–36. EDN: [FJISOT](https://www.edn.ru/entry/11111111)
14. Хидиров Г. Реформа электронной подписи и ее значение для участников контрактной системы // Прогосзаказ.рф. 2021. № 12. С. 32–43.
15. Анисина К. Т. Некоторые аспекты функционирования электронного документооборота в налоговых правоотношениях // Финансовое право. 2022. № 7. С. 17–22. doi: [10.18572/1813-1220-2022-7-17-22](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-7-17-22) EDN: [BMMMTT](https://www.edn.ru/entry/11111111)
16. Стародумова С. Ю. Нотариальное удостоверение односторонних сделок в онлайн-режиме // Нотариус. 2022. № 5. С. 42–45. doi: [10.18572/1813-1204-2022-5-42-45](https://doi.org/10.18572/1813-1204-2022-5-42-45) EDN: [BVELRM](https://www.edn.ru/entry/11111111)
17. Лихачева Е. Ю. Электронная подпись: опыт использования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3 (89). С. 81–87. EDN: [UCMJIV](https://www.edn.ru/entry/11111111)

18. Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейна и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 61. С. 479–498. doi: [10.17072/1995-4190-2023-61-479-498](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-61-479-498) EDN: [FWYEIP](https://www.edn.ru/entry/FWYEIP)

19. Родикова В. А. Блокчейн «в законе»: перспективы легального использования технологии в процессе сбора, хранения и обработки персональных данных граждан РФ // Право и экономика. 2023. № 5 (423). С. 39–48. EDN: [RBCVAH](https://www.edn.ru/entry/RBCVAH)

20. Родикова В. А. Блокчейн-технологии и персональные данные граждан: перспективы правового регулирования // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 72–80. doi: [10.52433/01316761_2023_05_72](https://doi.org/10.52433/01316761_2023_05_72) EDN: [LWDYHY](https://www.edn.ru/entry/LWDYHY)

References

1. Kabytov P.P., Starodubova O.E. Impact of digitalization on implementing powers of executive authorities. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(11):113–126. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2020.136](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.136)

2. Bondar N.S., Amelin R.V., Artemova D.I., Velieva D.S. et al. *Ekonomicheskoe pravo: uchebnik = Economic law: Textbook*. Moscow: Prospekt, 2021:352. (In Russ.)doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352)

3. Kiseleva N.V. Social services and state (municipal) services in social sphere: Legislative definition and correlation. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2023;(2):8–12. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1247-2023-2-8-12](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-2-8-12)

4. Tereshchenko L.K. State and Municipal Services: Problems of Law Enforcement. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(10):101–110. (In Russ.)

5. Tereshchenko L.K. Registry model for the provision of state and municipal services. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(7):110–120. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2021.090](https://doi.org/10.12737/jrl.2021.090)

6. Romanovskaya O.V. Public law aspects of the service state theory. *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law*. 2018;(10):3–14. (In Russ.)

7. Kumari T.R. Human Rights and Good Governance. *International Research Journal of Management Science & Technology*. 2017;8(1):301–308. doi: [10.32804/IRJMST](https://doi.org/10.32804/IRJMST)

8. Kravets I.A. “The Rule of Law” and “Good Governance” as constitutional values in the public sphere and public administration. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(12):38–58. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2019.12.4](https://doi.org/10.12737/jrl.2019.12.4)

9. Aver'yanova N.N., Velieva D.S., Kapitonova E.A. et al. *Prava cheloveka i bezopasnost v sovremennom mire: gibriddnye ugrozy i novye vyzovy = Human rights and security in the modern world: Hybrid threats and new challenges*. Moscow: Prospekt, 2021:152. (In Russ.)

10. Basova A.V., Velieva D.S., Kapitonova E.A. et al. *Prava cheloveka i gibriddnye voyny: monografiya = Human rights and hybrid wars: Monograph*. Moscow: Prospekt, 2023:184. (In Russ.)

11. Husz O. Bank Identity: Banks, ID Cards, and the Emergence of a Financial Identification Society in Sweden. *Enterprise & Society*. 2018;19(2):1–39. doi: [10.1017/eso.2017.43](https://doi.org/10.1017/eso.2017.43)

12. Lyon D. *Surveillance society: Monitoring everyday life*. Buckingham [England]; Philadelphia: Open University Press, 2002:189.

13. Fedorova Yu.A., Vdovichenko P.V. Conclusion of a transaction using electronic and other technical means. *Tsivilist = Civilist*. 2022;(2):32–36. (In Russ.)

14. Khidirov G. Reform of electronic signature and its importance for contract system participants. *Progoszakaz.rf*. 2021;(12):32–43. (In Russ.)

15. Anisina K.T. Some aspects of functioning of electronic document management in tax legal relations. *Finansovoe parvo = Financial Law*. 2022;(7):17–22. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1220-2022-7-17-22](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-7-17-22)

16. Starodumova S.Yu. Notarial certification of unilateral transactions online. *Notarius = Notary*. 2022;(5):42–45. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1204-2022-5-42-45](https://doi.org/10.18572/1813-1204-2022-5-42-45)

17. Likhacheva E.Yu. Electronic signature: Practice of using. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2022;(3):81–87. (In Russ.)

18. Frolova E.E., Kupchina E.V. Digital tools for protecting intellectual property rights: Using blockchain and artificial intelligence as an example. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2023;(61):479–498. (In Russ.). doi: [10.17072/1995-4190-2023-61-479-498](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-61-479-498)

19. Rodikova V.A. “Code-bound” blockchain: Prospects for legal use of technology in the process of collecting, storing and processing personal data of citizens of the Russian Federation. *Pravo i ekonomika = Law and Economy*. 2023;(5):39–48. (In Russ.)

20. Rodikova V.A. Blockchain technologies and personal data of citizens: Prospects for legal regulation. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2023;(5):72–80. (In Russ.). doi: [10.52433/01316761_2023_05_72](https://doi.org/10.52433/01316761_2023_05_72)

Информация об авторах / Information about the authors

З. И. Гадильшина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Т. Г. Какохо – Председатель Исполнительного комитета, Татарстанское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 420021, г. Казань, ул. Каюма Насыри, 28.

Z.I. Gadylyshina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlyovskaya street, Kazan, 420008.

T.G. Kakokho – Chairman of the Executive Committee, Tatarstan Regional Branch of the All-Russian Public Organization “Association of Lawyers of Russia”, 28 Kayuma Nasyri street, Kazan, 420021.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 05.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.07.2024

Принята к публикации / Accepted 30.07.2024